

Борис Хайкин
На перекрёстке ностальгий

Избранное

Борис Хайкин

**На перекрёстке
ностальгий. Избранное**

«Издательские решения»

Хайкин Б.

На перекрёстке ностальгий. Избранное / Б. Хайкин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836009-1

Уважаемый читатель! Предлагаем Вашему вниманию новую книгу израильского литератора Б. Хайкина. Его творчество многогранно. Это лирика, эпика, песни, эссе, проза, сатира. Стихи Б. Хайкина самобытны, насыщены эпитетами и метафорами. Поэт имеет свой голос, обладает хорошим вкусом, поэтической культурой. Книга «На перекрёстке ностальгий» рассчитана на самый широкий круг читателей различных возрастов и интересов.

ISBN 978-5-44-836009-1

© Хайкин Б.
© Издательские решения

Содержание

Об авторе	8
Из книги «Избранное из неизданного»	9
«Все тверже взгляд, все пристальнее око...»	9
Притяжение	10
Ванька-встанька	11
Медвежья гора	12
«С плачем, состраданием и пением...»	13
Валаам	14
Дед	15
Табу	16
Памяти дочери	17
На смерть	18
Разлад	19
Актёр	20
Из книги «Цветы разлуки»	21
Календарь	21
Речка	22
Клавиши	23
Дорога	24
На дороге утрат	25
Айтыс	26
Вдохновение	27
Из книги «Берегиня»	28
Соломенные вдовы	28
Брачная ночь	29
Родня	30
Масленица	31
«У семьи, с основания прочной...»	32
Турне	33
«Мы одну одолели ступень...»	34
Из книги «Звёздный поцелуй»	35
Цветы разлуки	35
Белая ночь	36
Идиллия	37
Признание	38
Средиземное море	39
Из книги «Автограф»	40
Молитва	40
Шалом	41
К Святым местам	42
У Стены Плача	43
Стеклодув	44
Яблочко	45
Из книги «Линия судьбы»	46
Лотос	46
Орхидея	47

Перестук	48
«В мире нет бойца смелей...»	49
Из книги «Караван из галута»	50
Холокост	50
Мёртвое море	51
Телемост с Богом	52
Чужая свадьба	53
Кошкин дом	54
Следы на песке	55
Исход	56
Антимир	57
«И вот вечерняя заря...»	58
Менора	59
Маме	60
Песочные часы	61
Поэт	62
К стихам	63
Журавли	64
Подсолнух	65
Колобок	66
Золотая середина	67
Не пара	68
Гербарий	69
Фантомы фонтанов	70
На закате	71
Медитация	72
Из книги «Зона любви»	73
Бес в ребре	73
Разбитые сосуды	74
Элегия	75
Ностальгия	76
«Отошло, отодвинулось и отболело...»	77
Утёс	78
Кефаль	79
Сирень	80
На волнах разлуки	81
Единство	82
На побережье	83
«Дано живущим не случайно...»	84
Бесхозная собака	85
Поминальные свечи	86
Призраки памяти	87
Молчанка	88
Долгая ночь	89
Экзамен экстерном	90
Багульник	91
Сентябрины	92
Гербарий	93
На распутье	94

На мосту	95
Странная пара	96
Рана	97
Виноградные лозы	98
На озере Сахне	99
Слово	100
На голодном пайке	101
У ваших ног	102
Клубок	103
Старик	104
Нищета души	105
Жизнь бокала	106
Конец ознакомительного фрагмента.	107

На перекрёстке ностальгий Избранное Борис Хайкин

© Борис Хайкин, 2017

ISBN 978-5-4483-6009-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Соломон говаривал, что ему неведомы «четыре вещи: путь орла на небе, путь змея на скале, путь корабля среди моря и путь мужчины у отроковицы». Можно ещё добавить – путь поэта к Парнасу. Говоря о творчестве поэта Бориса Хайкина, перешагнувшего шестидесятилетний рубеж, уместно подвести некоторые итоги его работы над словом. Истинный поэт – вне возраста. Он всегда в пути.

Творчество Хайкина многогранно. На его счету – лирика, эпика, песни, эссе, проза, сатира. Поэт осознает ответственность перед читателями и долг перед будущим. Поэт находится в постоянном поиске, изменяется вместе с внешним миром, стремится всегда оставаться самим собой.

Стихи Бориса Хайкина самобытны, насыщены эпитетами и метафорами. Поэт имеет свой голос, обладает хорошим вкусом, общей и поэтической культурой.

Новая книга Б. Хайкина «На перекрёстке ностальгий» рассчитана на самый широкий круг читателей различных возрастов и интересов.

Борис Михайлович Хайкин – член СП Израиля, поэт, публицист, эссеист, сатирик, автор ряда книг стихотворений, эссе, афоризмов, прозы, изданных в Казахстане, Израиле и России, в том числе: «Караван из галута», (Москва – Тель-Авив, 2006), «Дегу-стация солнца» (Москва – Тель-Авив, 2011), «Зона любви», «Из тины мыслей», «Книга судеб» (Издательство HELEN LIMONOVA, Израиль, 2016).

Публиковался в «Антологии поэзии» (Израиль 2005), антологии рассказов и стихов «Взрослым – не понять!..» (Москва – Тель-Авив, 2008), альманахах «Год поэзии» (Израиль, 2006, 2007, 2008, 2009), альманахах поэзии (США, 2005, 2006, 2008), альманахе «Связь вре-мен» (США 2009), альманахе «ЮГ» (Израиль: Ашкелон, 2008, 2009), в приложении к альманаху «Литературный Иерусалим»: «Литературный Иерусалим улыбается» (Иерусалим, 2009). В рукописном сборнике «Автограф» (Москва, 2015), в альманахе журнала «Российский колокол» (Москва, 2015) и др.

Борис Хайкин – дипломант фестивалей литературы и искусства в Израиле (2001 и 2008), дипломант международной премии имени Antoine de Saint-Exupéry в Париже (2015).

Из книги «Избранное из неизданного»

«Все тверже взгляд, все пристальнее око...»

Все тверже взгляд, все пристальнее око,
А в жизни не становится ясней.
Все дальше ухожу я от истока
Бурливой речки – юности моей.

Лады неслись, а нынче их качает.
Бесхозные, как перышки, легки.
Как жаль, что русло полное мельчает,
Случайные питая ручейки.

Юнец безусый и бывалый дока
Монет не бросят, как заведено.
Ил донный не уносится потоком,
И оседает бременем на дно.

Лишь в детские глаза не наглядеться.
Для них – моря, и вся тут недолга.
Речушка – жизнь моя, впадает в детство
И смыслом наполняет берега.

Притяжение

Этот город по-прежнему молод и нов
Много весен по лунному календарю.
И доверчиво окна его теремов
В плотном нимбе тумана встречают зарю.

В этом городе детские годы прошли.
И река по течению пройдена вброд
Там, где ивы склонились до самой земли
И любуются косами в зеркале вод.

Здесь познал я цикуту бесценных потерь,
Ожиданье любви, приближенье беды.
Где бы ни был, сюда я, как раненый зверь,
Приползу на живительный запах джиды.

И, нетвердо ступив на отцовский порог,
Дернув ручку двери, как спасательный круг,
Беглым взглядом окину лежащий у ног,
Истекающий соком, душистый урюк.

Пусть опущены плечи, виски в серебре,
Лишь бы в доме светильник надежд не потух.
И неважно, когда прохрипит на заре,
Недопетый мотив деревянный петух.

А подступит к концу время жизни земной,
Погляжу на друзей, что проститься пришли,
И прилягу, на север склоняясь головой,
По исходу магнитного поля Земли.

Ванька-встанька

Дошли анкеты – не таи
Со времени «отца народов»,
С кем были пращуры твои
До восемнадцатого года?

Под резкий запах папирос,
Под пошлый шлягер «мани-мани»
Ты шел враскачку, как матрос,
С веселым кукишем в кармане.

Отчаянным был молодым.
Блистал осанкой, но обидно —
Мечты растаяли, как дым,
А впереди ни зги не видно.

Ты знал иные времена —
Трибуны, кресла, секретарши —
Когда горланила страна,
Чеканя шаг в бравурном марше.

Пришли прострация и страх.
Пропали втуне лоск и глянец.
А ты стоял в очередях —
Невольный вегетарианец!

Штормило, словно во хмелю.
Святое место не пустело.
Ты в такт большому кораблю
Обрюзгшее качаешь тело.

И снова ты «на якорях»,
Бывалый и несокрушимый,
Непотопляемый в морях,
Водоворотах и режимах.

Медвежья гора

Медвежья гора, ох, Медвежья гора —
Тебе только тучи да птицы – соседи.
На склонах пологих – следы от костра,
А в дымке мерещится облик медведя.

Вразрез с аксиомами правил игры,
Срываюсь с шестка, лишь вершина поманит.
И, замороженный, стою у горы,
Что бурым медведем нависла в тумане.

Ее, недоступную, с детства знавал.
И вновь, умудренного, гложет забота —
Пройти предстоит не один перевал
От горького пота до сладкого мёда.

«С плачем, состраданием и пением...»

С плачем, состраданием и пением,
С куполом, чтоб в небо голосить,
Только ли во славу и спасение
Храмы возводились на Руси?

Знатно во все стороны аукало,
Дело единения верша.
Долго, говорят, жила под куполом
Мастера мятежная душа.

Трын-трава – на все четыре стороны.
Пусто, неуютно стало в нем.
Разве навещают только вороны
Накрест заколоченный проем.

Грабили и жгли, тащили волоком...
Что же мне шумит, звенит по ком
Снятый с дюжих плеч повинный колокол
С вырванным за правду языком?

Валаам

Оголенные нервы корней.
В мертвой хватке сплетенные кроны.
И бетонный форпост обороны.
О войне ли тут речь? – И о ней.

Тут грибы, что не сыщешь вкусней.
Тучность чаек, и рыба в затонах.
Холст художника, сочен и тонок,
Схватит жесткие игры теней.

На завидную стойкость дубравы
И в цветах непримятые травы
Я смотрел – насмотреться не мог.

Райский угол – сии Палестины.
Но некстати вписался в картину
Персонаж – и без рук, и без ног.

Дед

Немало дед пожил на свете,
Дружа с грибами и морошкой.
По-царски потчевал соседей
Капустой, хлебом и картошкой.

Слабел с преклонными годами,
Коней треножа по науке.
Навек слюбились с хомутами
Его мозолистые руки.

Самоотдаче на закланье
Любил он быть необходимым.
Крутил большие «тараканьи»
Усы, пропитанные дымом.

И сквозь узорное оконце
Дед ясным небом любовался.
Он проверял часы по Солнцу.
И никогда не ошибался.

Табу

Ни слова – о тебе, ни слова – о себе...
Пусть дактиль или ямб читателя морочат.
Но только – о волшбе, но только – о судьбе,
Где лакомая суть осталась между строчек.

Там юные слова стыдились естества,
Да образ или два вписались в постояльцы.
И обморочных снов осенняя листва,
Как вешняя вода, сочилась между пальцев.

Но времени метла пути не замела,
Открыла яркое – забытое когда-то.
Вернули мне назад кривые зеркала
Эфирный образ твой, увы, без адресата.

Опять, как жизнь назад, цветет и пахнет сад,
Но старый палисад объят оградой новой.
Скажи, зачем тогда кружится листопад
Из песен о любви, где о тебе – ни слова?!

Памяти дочери

Я выкрикнул имя – послышалось «Ольга».
От эха сережки слетели с ольхи.
Я выдохнул имя сердечное «Ольга»,
Где каждая буква просилась в стихи.

А ветер понес непонятное «олна»,
Что значило – «если», и «олно» – «когда».
Не раз принимались воздушные волны
Слабеющий звук умыкнуть в никуда.

И дочь родилась, долгожданна, пригожа.
Лишь холить, растить, доводить до ума.
Но некто изрек это мрачное – «омжа»,
Что значило – «гибель, забвение, тьма».

Я знать не хочу, что слова означают,
Но мышью летучей откликнусь на звук.
Прошу – отзовись, но не как величают,
А так, как сквозь ветер послышится вдруг.

На смерть

*На смерть, что на солнце
во все глаза не взглянешь.
Пословица*

Что надо – все при ней.
Счастливая – в отца.
Крутой излом бровей.
Глаза – на пол-лица.
И смерть с ее чела
Писала образа,
Но так и не смогла
Закрыть ее глаза.

Разлад

Течет по дороге,
Натешившись всласть,
Под жаром эпохи
Размякшая власть.
Из донного ила,
Войдя в эпатаж,
Нечистая сила
Готовит реванш.
Кликушества улей —
Не жаль живота.
Расплющены пули
На лице Христа.
Из фавора вышли,
Ушли в тиражи —
Агония мысли,
Хоругви души.
Дележка и ссоры.
Мир сходит с ума.
Городим заборы
И рушим дома.
В агонии воли,
Не зная стыда,
Тамбовские волки
Идут в господа.
Шокируют вести,
Выводят «на бис»
Коррозию чести,
Порока стриптиз.
В почете – валюта,
А труд – не в цене.
«Железные» люди
Идут по стране.

Актёр

Слиняли бодрые мотивы.
Замолкли флейта и гобой.
Мой выход, зритель терпеливый!
Стою, как есть, перед тобой.

Тебе служу своей игрою.
Как на духу, не утаю:
Я был и в той, и в этой роли,
Ни разу не сыграв свою.

И на твоих играя чувствах,
Был редко удовлетворен.
За соучастие в искусстве
К подмосткам был приговорен.

Хотя душа и не хотела,
Играл шута и подлеца
И сам живу на свете белом,
Забывши маску снять с лица.

А если зал меня не слушал,
Гремел полотнами дверей,
Непрошено вторгались в душу
Стальные иглы фонарей.

Я смог под выкрики с галерок
На роль раба себя обречь.
Презрев старания суфлера,
Не прерывал прямую речь.

Не избежать судьбы артиста,
И грим не смыть уже с лица.
Я был затоптан и освистан,
Но роль исполнил до конца.

И если брал не ту октаву,
Была душа моя черна.
Чередовались брань и «браво».
Но было слово выше славы.
Ведь сцена, как и жизнь, одна.

Из книги «Цветы разлуки»

Календарь

С понедельника жизнь по-иному начну.
Избежать постараюсь ошибки.
Всем прощу, кому должен, а клятвы – верну.
Разменяю тоску на улыбки.

В колыбели небесной расти до зари
Будет месяц под звездным салютом.
Словно листья, осыпятся календари,
Уплотняя часы до минуты.

С астрологией дружен, уйду от беды,
Если это начертано свыше.
Обязуюсь со вторника, или среды,
Отказаться от вредных привычек.

Основателен в деле и в помыслах тверд,
Я отвергну небесную манну.
После дождичка, верно, в ближайший четверг
Воплещу свои давние планы.

На исходе субботы, копаясь в саду,
Отложу я на завтра веселье.
Окрыленный, на грешную Землю сойду.
Это будет моим воскресеньем.

Речка

Неслась вперед себе на горе,
Явив ребяческий наив.
Душою всей стремилась к морю,
Но разбиралась на полив.

Уловом славилась немалым.
Тут были щука и карась.
Себя по капле раздавала
Всем, кто хотел, не мелочась.

Уже не день, еще не вечер.
Впадает речка в забытье.
И блики лунные, как свечи,
Отпели молодость ее.

Дождя дробины, розги ветра
Дубили шкуру берегов.
По капиллярам, незаметно,
Ушла в песок по капле кровь.

Ребята с устали, случится,
Примчатся, как в былые дни —
Ни окунуться, ни напиться,
Ну разве что смочить ступни.

Менять ей русло не пристало.
Дрейфует лодкой без весла.
Никто не чтил, когда бежала.
Все вспомнили — когда ушла.

Клавиши

Над страницей склонившись низко
И взлохматив копну прически,
Бьет по клавишам машинистка,
Словно гвозди вбивает в доски.

По плечу ей любое дело,
Непрестижно пусть, непочетно.
Не досталось ей клавиш белых.
Больше видела клавиш черных.

В серых буднях, не зная скуки,
Гнула спинушку неустанно.
Разучились печатать руки,
Управлявшие мощным краном.

На душе – непокой и стужа.
(Не обидел господь наукой).
Много весен одна, без мужа,
Поднимала детей и внуков.

Только прошлое не исправишь.
И жила она, как умела.
Яркий оттиск от черных клавиш
На судьбе отразился белой.

Дорога

Военных дней дорогой длинной,
Горяч, неопытен и смел,
Дошел отец мой до Берлина,
А вот до дома – не сумел.

Шальные пули – мимо, мимо.
А в мирной жизни – спору нет —
Отец мой был неисправимым —
Он часто шел на красный свет.

Удар – он падает все ниже.
Я не успел прийти на зов.
Но с той поры я ненавижу
Утробный скрежет тормозов.

На дороге утрат

Боюсь встречать знакомых стариков,
Постигших боль утраты и разлуки.
В глазах их видеть гнет тоски и муки
И делать вид, что с ними не знаком.

Полынь их слез, дрожанье слабых рук —
Партнера ждут для горьких откровений.
Что можешь ты? — лишь тему переменишь.
— Все обойдется, — выпалишь не вдруг.

Подать лекарство, чушь про жизнь нести,
Про то да се с энергией завидной.
Ты молод и здоров, а это стыдно
Пред немощью чужой в конце пути.

Что примерять наряд почтенных лет?!
Им нужно от тебя совсем немного:
Помочь им перейти через дорогу
Утрат, что одному не одолеть.

АЙТЫС

Ценю степной уют.
В один из теплых дней
Проснусь, когда поют
Петух и соловей.

Он неперево́дим —
Напева дух хмельной.
Кричит свое один.
На сто ладов – другой.

Навязчивый куплет
Подстрелит сердце влет.
Один перекричит.
Другой перепоеет.

И ты поймешь в тоске —
Век быть собой самим.
Не споря о шестке,
Петь голосом своим.

Давай, Петух, споем
Негромко, но легко.
Пусть каждый – о своем,
Но оба – высоко.

Вдохновение

«Отпущу свою душу на волю...»

Ю. Кузнецов

Отпустить свою душу на волю
И промчаться по чистому полю,
Где надежды беспечно и зло
Ожидают заветной минуты —
Упорхнуть от тепла и уюта
И под ветер подставить крыло.

Под окном мироздания не надо
Вам униженно петь серенады,
Слитки страсти менять на гроши.
Знать, предчувствие вас не обманет.
Полоснет в неоглядном тумане
Бритва света по горлу души.

Цель далеко, а звезды высоко
Наблюдают недремлющим оком;
Как кликуши, пророчат беду.
Лишь в отчаянно-гордом бессилье,
Подобрав опаленные крылья,
Как подранку, лететь на звезду.

Из книги «Берегиня»

Соломенные вдовы

Я в палате был разжалован в пилоты,
Где зарница даже в мыслях не видна.
Но испытывал на прочность самолеты,
Посылая их невесте из окна.

Я забрасывал любимую стихами,
Извиняясь за больничный антураж.
Ободрял меня сосед безногий, Ваня, —
Это, брат, поверь мне, — высший пилотаж.

А меня, — он говорил, — пора на мыло.
На себе поставил крест я с давних пор.
И подружка во дворе по Ване была,
Приглашая на сердечный разговор.

Этот плач еще мне долго будет сниться.
Ни словечка не слышалось в ответ.
Уговаривала Ваню вся больница
Посочувствовать «соломенной вдове».

Не спалось нам на казенной, на постели.
Я пугал соседа каменным лицом.
Занедуживший до свадьбы за неделю,
Почитал себя последним подлецом.

Голубями прилетали с воли вести.
Я ответы стихотворные писал.
Мне лежать в палате тесной, а невесте
Отходную рассылать по адресам.

На свиданье невезучую позвать бы.
Мы с Ванюшей солидарны по вине.
Утешало лишь одно — на дату свадьбы
Кто-то тоже горько плакал обо мне.

Брачная ночь

Любовь преломим пополам,
Как хлеб. Едины мы с тобой.
Лишь только шарит по углам
Сторожкий месяц-домовой.

Огонь и лед – наедине.
Покой, не в счет – капли стук.
И муха бьется в западне
Сетей, что за ночь сплёл паук.

Поет сверчок: «Ничья, ничей».
И тщетно мгла зовет ко сну.
О, сколько сладостных ночей
Ваять из девочки жену!

Цветет сентябрь, как будто май.
И сном объят весь мир в тиши.
На свет зрачков лечу я в рай
Твоей непознанной души.

Родня

России дальний уголок.
Мороз скрипучий, не весна.
Утюжат лед подошвы ног
На речке «Тихая Сосна».

Мы здесь по случаю с женой.
Идем по городу, тихи.
У лунки с талою водой
Удачи жаждут рыбаки.

Тут площадь, танк и магазин
Ведут нас к цели напрямиком.
Мы к дому дядюшки спешим.
С ним я с рожденья не знаком.

Я долго ждал такого дня,
Когда не к месту – тормоза.
И раз встречается родня,
Теплеют души и глаза.

И там, где мы впервой не врозь,
На нас повеяло теплом.
Хозяева и званный гость
Сошлись за праздничным столом.

С родней за рюмкой первача
Сучим беседы тихой нить.
Нашелся повод помолчать.
И есть о чем поговорить.

В своей квартире швец и жнец,
На людях боек и речист,
Мой дядя – вылитый отец.
На город – первый шахматист.

Доска разложена, и вот —
Турнир хозяев и гостей.
И мы ведем «войска» в поход,
Тяжелых спешив лошадей.

И я, захваченный игрой,
Гляжу – фигур редееет рать.
Я долго жертвовал родней.
Пора ей должное воздать.

Масленица

Поддам, как в баньке, жару вам,
Родители честны!
Недаром зять пожаловал
На тещины блины.

Дымится чай, не водочка,
На праздничном столе.
Внучата здесь не водятся
В единственном числе.

И ласка, словно патока,
В компании большой.
Шалит «царевна» Катенька.
Не комом блин – старшой.

А младшенькая, Лизонька,
Разбойничьих кровей —
Пеленки понанизаны
На ребра батарей.

То дуют губки горюшко.
То радости полны.
Сияют, словно солнышко,
Горячие блины.

«У семьи, с основания прочной...»

У семьи, с основания прочной,
Установка одна – на добро.
Та вода, как слеза, непорочна,
Коль ее освятит серебро.

Осиянные годы созвать бы,
Словно четки годичных колец.
И на месте серебряной свадьбы
Зашумит яркой хвоею лес.

Отыскрился весны хвост павлиний.
Красок лета уже не зови.
Пусть сегодня серебряный иней
Станет светочем нашей любви.

Турне

Не в яхте, не в карете
За клином журавлиным
Мы едем, едем, едем
В турне по рельсам длинным.

Былое поверяя
Соседу и соседке,
Мы время коротаем
В купе, как в тесной клетке.

Никак на жестком ложе
Сомкнуть не можем веки.
В серебряной пороше
Дорога в четверть века.

Где юность без недостатка,
Извечный бег по кругу.
Нас ждут на полустанках
Наследники и внуки.

Казенные палаты
В убранстве ясно вижу.
Ты свадебное платье
Пошила не в Париже.

За книгами на кухне —
Товарищи, погодки.
И первую покупкой
Стал шкаф комиссионки.

Несемся, погорельцы,
К вокзалу от вокзала.
Ржавеют наши рельсы.
Поскрипывают шпалы.

Идет дорога в гору,
И дальше — по уклону.
Для нас у семафора
Один лишь цвет — зеленый.

«Мы одну одолели ступень...»

Мы одну одолели ступень.
И старались друг другу помочь.
Не прервется малиновый день.
Не закончится брачная ночь.

Как ты спишь! Я гляжу не дыша.
И в тревоге встречаю рассвет.
Ты все так же, душа, хороша.
И моложе на тысячу лет.

Из книги «Звёздный поцелуй»

Цветы разлуки

Сосновый бор, зеркальный плес.
Мне в нем – отрада.
Ведь я цветы тебе принес,
А ты не рада.

Твой образ волны на бегу
Не развенчали.
Стою на топком берегу
Своей печали.

С дорожки лунной не свернуть
В зеркальной раме.
Воды холодной зачерпнуть
И пить горстями.

Подмигивают небеса.
Влекут лукаво
Иные выси и глаза,
Моря и травы.

Очнешься – больше не зовут
Любимой руки.
Лишь по течению плывут
Цветы разлуки.

Белая ночь

О любви, о любви, о любви
Говорили мне губы твои.
И глаза, как ее не таи,
Выдавали секреты любви.

Эти линии так хороши!
Искушения не превозмочь —
Наиграть пьесу в белую ночь, —
В две руки, в два ума, в две души.

Отыскать путеводную нить
Среди пошлости мер и весов.
Лишь бы в гамме безудержных слов
Ноту главную не упустить.

Потаенное миру явить,
И свиваться, как лозам в соку.
Причащаться, как пчелке к цветку,
Ко Вселенной высокой любви.

Идиллия

Стерпится – слюбится.
Сладится – стешится.
Жар поостудится.
Холод затеплится.

Неукротимая
Жажда прощения.
Ссора с гордынею.
Милость – смирению.

Воз тянем рикшами,
Леностью мечены.
Коротко стрижены
Противоречия.

Уравновешены.
Кротки до одури.
В меру утешены.
Сыты заботами.

Только в идиллии,
Где все так схвачено,
Нечто интимное
Не обозначено.

Что в прегрешениях
Свыше даруется.
Лишь в утешение —
«Стерпится – слюбится».

Признание

Я без тебя и дня не проживу.
Но даже если будем мы в разлуке,
Тебя губами, сердцем призову,
Сожму в ладонях трепетные руки.

Я по тебе ничуть не загрущу.
Грустят лишь по утерянной надежде.
А я в тебе саму тебя ищу
И с каждым днем люблю сильнее, чем прежде.

Запутаюсь в шелку твоих волос.
Укроюсь с головой твоим дыханьем.
И погружаясь в терпкий омут грез,
Превозмогу оскому расставанья.

Средиземное море

Средиземное море —
Это пенный прибой,
Где на радость иль горе —
Наша встреча с тобой.
Это тяга веками
Ко Священной земле.
И песок под ногами —
Как янтарь в хрустале.

Нам в минуты сомненья
На нелегком пути —
В кураже вдохновенья
Рвать волну на груди.
И любые напасти
Поглощает прибой,
Коль родился в рубашке,
Что из пены морской.

Мы скитаний вслепую
Избегать не вольны.
То – в пучину морскую,
То – на гребень волны.

И у пристани близкой —
Олеандры в цвету.
А у сердца – прописка
В неизвестном порту.

Из книги «Автограф»

Молитва

Не искупления прошу у Бога
Грехов, что в этой жизни несть числа.
А к светлым далям – скатертью дорогу,
И за спиной – надежды два крыла.

Пускай тебя заботы рвут на части,
Но сил достанет грезить наяву.
И я прошу не счастья, а участия
Людей, среди которых я живу.

И мне дешевых милостей не надо.
Я перед вами сердцем не солгу —
Не худо быть здоровым и богатым,
Но ведь за это вечно быть в долгу.

Я бью челом страдающим со мною,
Кто пядь за пядью чувству уступал.
Пускай любовь проходит стороною.
Дай Бог хоть раз припасть к ее стопам!

И допоздна сомкнуть не в силах вежды,
Желать врагам своим не стану зла.
Бросаю камень в озеро надежды,
Чтоб к ней дорога легкою была.

Шалом

С юности, гоня голубей, —
Будь то Киев, будь Ташкент иль Таллинн —
Если забывал я, что еврей,
Тотчас мне о том напоминали.

Кто не грешен: это ль не таил?
Я меж них – не первый, не последний.
Вечно соплеменники мои
Гнулись под хулой тысячетней.

В прихоти сановной господа
Сирых осуждали и прощали.
Теплилась надежда, как звезда,
В их глазах, исполненных печали.

И теперь, вкусив судьбы иной,
Сталось как бы заново родиться.
Нации, порукой круговой
Меченой, мне нечего стыдиться.

Без страстей кухонных при куме
Стали мы достойней и мудрее.
Коль один запишем, два – в уме.
Двух дают за битого еврея.

Там и здесь я каждому знаком.
И что нужен людям – тоже знаю.
Если говорю я вам «Шалом!»,
То «Селем!» я подразумеваю.

К Святым местам

Кто и впрямь в святые метит,
Кто бежит, судьбой гоним, —
В Рим, Париж, Афины, Мекку.
Я же – в Иерусалим.

Там к святыням всех религий,
Друг за дружкой по пятам,
Скинув бранные вериги,
Мир дорожку протоптал.

Там, грехи свои итожа,
И с молитвой на устах,
Всяк рукой касался ложа
Убиенного Христа.

Вот и я молился Богу.
И к Талмуду, сердцем чист,
Прикасался в синагоге,
Убежденный атеист.

Сам себя переиначил.
К той земле любовь пронес,
У Стены священной Плача
Утирая капли слез.

У Стены Плача

Колонны, камни, письма —
Средневековая панорама.
Молчит подпорная стена
Не раз разрушенного храма.

Над ним не властвуют года.
Машины рядом не паркуют.
Идут паломники сюда,
Булыжник пятками шлифуя.

В пылу душевной простоты,
Взывая к Господу в печали,
Свои заветные мечты
Оставят в швах меж кирпичами.

Клочки бумаги стерпят речь
Коленопреклоненной черни.
И дворник с пейсами до плеч
Их передаст по назначенью.

Я вижу фальшь, как ясный день.
Но отчего ж, от изумленья
Напялив кипу набекрень,
Вошел в экстаз благоговенья?

С лица — икону хоть пиши.
Уже другой, не тот, что прежде,
Я тоже чистый лист души
Заполнил верой и надеждой.

Стеклодув

Брату Володе

Стеклодув в Тель-Авиве
колдует над битым стеклом,
Привлекая к арене стола
удивленных зевак.
Незаметно жонглируя
легкой горелки огнем,
Выпускает, как фокусник,
фауну из рукава.
То забавный дракончик
на Солнце блеснет чешуей,
То застынет на миг,
изготовившись к схватке, гюрза.
То из мертвого лома
какой-то бутылки цветной
Появляются вдруг медвежонка
живые глаза.
И волшебная палочка
так увлекает меня,
Что застыл, как в лесу молодом,
неприкаянный пенъ.
Я на пальцах прошу изготовить
для брата коня,
Чтобы помнил всегда о красе
казахстанских степей.
Я скупил бы все разом,
хотя я совсем не богат.
Мастер делает дело свое,
и не дрогнет рука.
Остается за морем далеким
единственный брат.
Рукотворное чудо
кому-то пойдет с молотка.
Как слеза смоляная —
из трубочки капля стекла.
Заиграло в лучах огневых
золотое руно.
Нелегко, но — возможно
фигурки ваять из стекла,
только в жизни осколки бывшего
слепить не дано.

Яблочко

Из склепа, как высшая милость,
Венера, мила и бела,
Пред очи людские явилась
На греческом острове Милос,
Где сотни столетий спала.

И в узел разыгранной драмы
Попав не без веских причин,
Античный бесчувственный мрамор
Скульптуры изысканной дамы
Будил вожденье мужчин.

Был каждый из них озабочен —
Как проще урвать этот приз,
И в край его вывезти отчий.
За первенство сладостной ночи
Схлестнулись Стамбул и Париж.

Улыбка невинная девы
И бюст, оголенный весьма,
Осанка, и взгляд королевы,
И в пальчиках яблочко Евы —
Ревнивцев сводили с ума.

Пролито там крови немало.
Богиня тех стоила мук.
Бока в потасовке намяла.
Но яблочко не выпускала
Венера из каменных рук.

Уняв первобытную похоть,
Упал победитель без сил.
От девы плененной нет проку —
Утеряны руки по локоть.
Он близок, да не укусить.

Но женское сердце – не камень.
Ей в страсти – рассудок терять,
Влюбленных дразнить и лукавить.
Отныне у женщин с руками
Лишь «яблочко» можно отнять.

Из книги «Линия судьбы»

Лотос

Белый Лотос, омытый дождем,
Разметался на водной постели.
Руки грешные были у цели,
Ты ж молила: давай подождем!

Хороша и довольна собой,
Стать единственной ты не спешила,
Как цветок из семейства кувшинок.
Мне оставила горечь и боль.

По течению, гордая, ты
Унеслась, аромат источая.
И срывал я земные цветы,
Все обиды на них вымещая.

Губ раскрытых созревший бутон.
Лепестками сложились ресницы.
Это ты? Или снова мне снится
Белый Лотос, омытый дождем?

Орхидея

Славя небо голубое,
Хоронясь от лиходеев,
Проживала Орхидея
В клеверах и зверобое.
Ветер брал ее в объятья.
Трепетало одеянье.
Словно радуга, сияли
Жемчуга на складках платья.
До поры не знала горя.
Только радовалась жизни.
Безответно ей служили
Повилика и Цикорий.
Зависти холодный иней
Вмиг сразил ее на вздохе.
Клевета Чертополоха
Обесчестила богиню.
И, не выдержав позора,
Покрываясь краской алой,
Орхидея убежала
Из родной долины в горы.
Пробиралась днем и ночью
В тайный скит от огорчений.
Из пещеры шла в пещеру,
Раздирая платье в клочья.
Скит в горах крутых затерян.
Только след ее не сгинул.
Ведь на всем пути Богини
Вырастали Орхидеи.

Перестук

Тружусь, не покладая рук,
В квартире съёмной, кстати.
Мы бьем по дереву «тук-тук»
На пару – я и дятел.

Я вдохновение обрел
В стенах чужого дома.
И он долбит засохший ствол.
Не можем – по живому.

Для нас обоих каждый день —
Субботник и воскресник.
В необустроенном гнезде
Слагать не можем песни.

Работу мы сочли за честь.
Неужто, в самом деле,
Нам из одной тарелки есть
И спать в чужой постели?

На стук соседи-ватики*
Сбежались: «Что он, спятил?»
А мы такие мужики,
Два брата: я и дятел.

**Ватик – старожил (иврит).*

«В мире нет бойца смелей...»

В мире нет бойца смелей,
Чем напуганный еврей.
В мире нет скопца верней,
Чем обрезанный еврей.
В мире нет скупца бедней,
Чем богатенький еврей.
В мире нет истца шумней,
Чем обиженный еврей.

Из книги «Караван из галута»

Холокост

О, как пугающе и просто
На холст художника рука
Наносит абрис Холокоста,
Где кучевые облака
Глаза смущают мрачным видом.
Но высоко в туманной мгле,
Образовав Звезду Давида,
Оплачут павших на Земле.

На заднем плане пышут печи,
Но не обманет внешний вид.
«Иных уж нет, а те – далече...»,
Но жизнь забвенья не простит.
И по законам жанра строгим
В одной из памятных ночей
Медведица в своей берлоге
Зажгла светильник в семь свечей.

Мёртвое море

Чьи тайны хранит это Мёртвое море,
Покуда проходят века чередой?
Содом и Гоморра, Содом и Гоморра
Навеки затянуты мёртвой водой.

Не поняли грешники вышней угрозы?
Нарушена с Богом духовная связь?
Воронку заполнили женские слёзы.
Мужское достоинство втоптано в грязь.

В ленивой истоме, тиха и покорна,
Вода без планктона, как совесть, чиста.
И гуси залётные в поисках корма
Давно убывают в другие места.

Воронка привыкла к солёному плену.
Содом и Гоморра в руинах на дне.
А пьяным от счастья «беда – по колено»
На самой опасной её глубине.

Телемост с Богом

Мне не понять, где истина, где деза.
На Интернете скрашиваю дни.
И ты, Всевышний, не сочти за дерзость —
На чашку сайта все же загляни.

Заблудшего, понять меня попробуй,
Что жег мосты, страдая и любя.
Прости за поэтические тропы,
Что часто уводили от Тебя.

Разменивал себя в житейской гуще.
Все мысли занимала суета.
По сути, был я мышкою ведущей,
Смущающей ведомого кота.

Вкусил немало патоки и соли,
Не раз за вожаком лукавым шел,
Заботой невостребованной болен
И вирусом неверья заражен.

Обидно быть незрячим до могилы.
Я средь иных, витийствующих сплошь,
Хочу собрать растраченные силы,
Открыть глаза на истину и ложь.

Прошу не отказать мне в просьбе скромной.
«Вишу» я на приеме много дней.
Надеюсь, есть мой адрес электронный
В небесной канцелярии Твоей!

Чужая свадьба

Над Святою землей небеса разрешаются ливнями.
И, промокнув до нитки, принять их приходится мне.
Под еврейской хупой сочетаются пальмы счастливые.
Как невольный свидетель, смотрю я на них в стороне.

На Земле праотцев с давних пор говорят не по-нашему.
Седина облаков обустроилась над головой.
В золотой листопад я по вороху листьев расхаживал,
Но в букетах цветов я не видел отрады живой.

Это кто-то другой, молодой, на моей фотографии.
Там пустынный Чак-Пак, здесь лютует Хамсин до утра.
Но об этом пятне на ветровке моей биографии
На Земле праотцев я успел позабыть не вчера.

Кошкин дом

Обживаясь в стране понемножку,
Я на землю сошел с этажей.
И завел себе дикую кошку,
Чтобы в доме ловила мышей.

Принимая, как должное, милость,
Все сметает она со стола.
Нагуляла жирок, обленилась.
И, в придачу, котят принесла.

Был мне промысел Божий неведом.
И теперь, покоряясь судьбе,
Вдоволь потчую кошку обедом,
Оставляя объедки себе.

Кошка дикая лижет мне руки.
Не видать ни мышей, ни крысят.
Даром что ли коты всей округи
Под окошком моим голоса?!

Следы на песке

Я на Земле Обетованной,
Где от кибуца до воды
Сам страж пустынь – песок барханный,
Как лис, запутывал следы.

И, словно повесть жизни краткой,
Взахлеб листовая суть страниц,
Читать пытаюсь отпечатки
Млекопитающих и птиц.

Мои следы, я знаю точно,
Вода соленая кропит.
Они – из свежих и непрочных
Среди следов когтей, копыт.

И не напрасно так умело
Следы босых усталых ног
Перечеркнул крест-накрест белый
Невозмутимый осьминог.

Исход

*Сердце мудрых – в Доме плача...
Библейская мудрость*

Первородство – под вопросом.
Но сошелся клином свет
На резце каменотеса
И скрижалях горьких лет.

Нелегко, да не впервые
Муравейники олим¹
Шлифовали мостовые
Града Иерусалим.

Не могли они иначе,
Захлебнув морской волны.
«Сердце мудрых – в Доме плача»
И у Западной стены.

А иные по этапу,
Обживая свой шесток,
Положили глаз на Запад,
Отправляясь на Восток.

Море слева, горы справа.
Там – чужие города...
В споре истин нету правых,
Но пути ведут сюда.

¹ Олим – репатрианты (иврит)

Антимир

Как пара теза-антитеза,
Разлад антихриста с Христом,
Как резус-плюс и минус-резус,
Как трюк рекламный – два – в одном...

Кому-то это было нужно —
Столкнуть на море корабли,
Полюсы – северный и южный,
Национальности земли.

Не привыкать с улыбкой милой
Им разделять сердца – на два.
Изобретать для смерти мира
Отраву антивещества.

Не пребываю в эмпиреях,
Не раз, не два своими бит.
Когда еврей, как зверь – с евреем...
И я тогда антисемит.

Приставкой «анти» мир поруган.
Быть может, есть и анти-я?
Мы не сойдемся с антидругом
На параллелях бытия.

«И вот вечерняя заря...»

И вот вечерняя заря
Опустится на дно морское.
И ты бросаешь якоря
В забытой гавани покоя,
Планиду многих повторя,
Кого терзали быль и небыль,
Сомнений альфа и омега.
Ты не заметишь в день осенний,
Как в малой толике прозрений
Мерцает поздняя заря.
И на Земле, не знавшей снега,
Услышишь песню снегиря.

Менора

В Израиле обрел я новый дом,
Казенный, но в судьбе – не без изъяна.
А был в стране исхода тем нулем,
Что попадал в десятку на миньяне.*

В той жизни я усвоил, что еврей —
Меж званных – избранный, как говорится.
А здесь в обойме множества нулей —
Не стать мне полноценной единицей.

Видать, свой путь единственный ищи —
А промышляй работою поденной.
Но кто зажжен от пламени свечи,
При меноре не будет обделенным.

Не знал я, что уйдя, не оглянусь,
Не оправдаю дерзких ожиданий.
Зажжен светильник памяти, а грусть
Отбрасывает тень былых страданий.

**Миньян – минимум десять совершеннолетних мужчин, необходимый
кворум для молитвы.*

Маме

Блокадный Ленинград. Седая мгла.
А память остается неизменной.
Учительницей матушка была
Там, в авиаучилище военном.

Из всех известных сизмальства примет
Дошли до нас по воле злого рока —
Прожекторы, сирены, голод, смерть,
Убежища и светомаскировка.

А я мечтал из окон над Невой
На мир в его печалях и заботах
Смотреть глазами мамы молодой,
Что четко зафиксировало фото.

Прорыв. Эвакуация. Финал.
Еще – Дорога Жизни во спасенье.
Ах, мама, как тебя я долго ждал —
Десяток лет до самого рожденья!

Песочные часы

Вживаюсь, поседевший от забот,
В иной уклад; запал уже не тот,
Хоть отроду – бунтующей породы.
И все же брошу жребий на весы.
Судьба моя – песочные часы.
Сквозь пальцы, как песок, уходят годы.

А, впрочем, нету дыма без огня.
Нет повода на зеркало пенять,
И думать, думать – что еще случится?
Песчинки убывают без конца.
Считать потери – промысел глупца,
Начальника счетов, не ясновидца.

Коль вдуматься, в часах иная суть.
Решишь однажды их перевернуть —
Себя уже увидишь в новой роли.
Осыпаться, как встарь заведено,
А истины проросшее зерно
Перенести на опытное поле.

Поэт

Рассеянный, привыкший задавать
Вопросы в ожидании ответа...
Но изредка снисходит благодать
На лоб широкий бедного поэта.

И образы подобно образам
Пути для отступления перекрыли
В квартире, где газетно-книжный хлам
Удобрен затвердевшим слоем пыли.

Поэт, с надменным миром не в ладах,
Всегда у музыки ветреной во власти,
Воистину, не даром, господа,
Тернистый выбрал путь к вершине страсти.

Ему для неприкаянной души
Нужны, как никому, улыбки ваши,
Когда с недостижимых вершин
Спускается несолоно хлебавши.

Он – вещь в себе, что там ни говори:
Дом на замке, висят на окнах шторы.
И странная табличка на двери —
Опять ушел в себя, вернусь не скоро.

К стихам

*Писание мое есть весь я.
Л. Толстой*

Люблю поэзию в себе
На подсознании, каждой клеткой.
В часы депрессии нередкой
От безысходности в судьбе.

На слово наложить табу
Не посягну в часы безверья,
Пусть замирает кровь артерий
И выступает пот на лбу.

Любовь, что нас лишает сна,
Не патология, а узы, —
Взаимность с женщиной. А с музой —
Любовь с рожденья сращена.

Служа, пред нею не робел,
Хотя, увы, не Казанова.
Взаимностью не избалован,
Люблю поэзию в себе.

Журавли

Я близко так не видел журавлей.
И только здесь, в израильском гнездовье,
Они доступней стали и смелей.
Как будто целой стаей вмерзли в поле.

Я близко так не видел журавлей,
Уверенных, что в крае иудеев,
Где водится охота на людей,
Сидячих, убивать их не посмеют.

Любуюсь, и глазам не верю я.
Наверно журавли слегка устали.
Они стремятся в теплые края,
И здесь у нас задержатся едва ли.

Вот так и люди, скорые на зов,
Отыщут место теплое по карте.
Израиль для одних – Страна отцов.
Другим же – остановка перед стартом.

Я близко так не видел журавлей.
И больше не увижу, может статься.
Обетованной, горестной земле
С гостями нелегко навек прощаться.

Подсолнух

Если впору отчаяться,
Утешает одно —
Облака облачаются
В золотое руно.
И Светило весеннее
Создает, трепеща,
Боди-арт настроения
Мягкой лапкой луча.
Невезеньем отмеченный,
Словно жизни не рад,
Поперечному-встречному —
Не товарищ, не брат.
Станет узкою улица
И пустынно окрест,
Если не повинуются
Стать, осанка и жест.
Но взгляни по-хорошему
На порядок вещей,
На зеркальное крошево
В свете ярких лучей!
На характер свой ветреный
Надевая лассо,
И подсолнухом к светлому
Повернувшись лицом,
Сам собой заморочен,
Господин и слуга,
Ты решишь в час урочный,
Правду, коль дорога,
Жизни вкус с пониманием
Положить, как кумир,
Камнем в столп мироздания,
На чем держится мир.

Колобок

Коль тебе досаждают изъяны
На крутом перепутье дорог,
Вспоминается непостоянный
И такой непростой колобок.

Не смотри, что малыш из мякины.
Тихий увалень он до поры.
Он не любит толкающих в спину
На подъеме, и даже – с горы.

Не слабо уходить от погони,
Досаждать подлецам не впервой.
Где другие мозолят ладони,
Он работает головой.

И, что надо, умеет он слышать,
Удивить и потешить народ.
Быть на равных, а тем, кто повыше,
Никогда не заглядывать в рот.

Золотая середина

Оставьте детям спор на сайте
О курице и о яйце.
И лидер я, и аутсайдер —
В одном-единственном лице.

На лавры я не претендую,
Спеша к летейским берегам.
Но середину золотую
На поруганье не отдам.

Покамест оппонент наглеет,
До боли скулы сведены.
Я, чувствуя удар по левой,
Отвечу с правой стороны.

Мне не размахивать руками,
Когда, не целясь, бьют под дых.
Быть мудрым — между стариками,
И равным — среди молодых.

Не пара

Выяснять правоту не в новинку
До затмения солнца в глазах.
Мы не пара, а две половинки,
Чей союз освящен в небесах.

Не слабо по причине ничтожной
Вальс на нервах сыграть в две руки.
Для прощенья – слишком похожи.
Для прощания – слишком близки.

Уступаем мы попеременно
Только стрессам, похожим на страсть.
Развлекаемся теплообменом
Со средой, окружающей нас.

Но еще не поставлена точка
На любви, и в бессонную ночь
Тонем в чарах мы поодиночке,
Не желая друг другу помочь.

Гербарий

Какое мне дело, не знаю,
До верных приметам всерьез,
Кто, видя ромашку, вздыхает,
Иль варит варенье из роз.

Раскрылся ль тюльпан в поцелуе,
Поджал свои губы со зла... —
Я только в саду практикую,
Заначив нектар, как пчела.

И радуюсь лишь урожаю
Ковров неземной красоты.
Я просто из тех, кто сажает,
Для любящих эти цветы.

Кому-то и пестик – загадка,
Тычинки с тарифом в рублях.
А мне они – только закладки,
Пометки Творца на полях.

Фантомы фонтанов

Где верят фортуне фонтаны фотонов,
С апломбом Платона взберись на платан.
Повесились с понтом вблизи панталоны,
А там – проплывают понтоны путан.

Пылает стерня на Дону и в Замостье.
Маячит маяк, как волан на волнах.
А выше спокойно стоит Маяковский
И облако держит в широких штанах.

Какие муссоны не гнали б масона,
Агенты Моссада калику нашли.
Он шел на Одессу, а вышел к Херсону.
Теперь – на пайке иудейской земли.

На закате

Мягко стелется дорога, длинна.
Есть куда спешить, и печься о ком.
Я б горячего взнуздал скакуна,
Но он пляшет под другим седоком.

Мне бы в дикий, околдованный лес —
Позабавиться лукошком грибов.
Но Создатель с недоступных небес
Лишь качает бородой облаков.

Гасит Солнышко лучи не спеша.
Пыл столетий заслоняет восход.
Все труднее вечерами дышать,
Где хамсином перекрыт кислород.

Забываются причины кручин.
Набегают под глазами круги,
Словно волны, и все больше морщин
В топографии потерь дорогих.

Медитация

Я изменяю, но не изменяюсь.
Не кланяюсь, а только поклоняюсь.
И не кренюсь, а лишь укореняюсь,
Покуда гнет деревья ураган.

Мне свет не свят, поскольку сам я грешен.
Мой путь тяжел, но каждый шаг мой взвешен.
Печали, словно косточки черешен,
От медитаций падают к ногам.

Познать себя в пыли ночного бденья
Мне не дает неверный угол зренья
На мир, что создал Бог без вдохновенья
По образу-подобию своему.

Порочных истин горькие цукаты
Лишают нас покоя в час заката.
Но справедливость сватать в адвокаты
Нам не по чину, только по уму.

Из книги «Зона любви»

Бес в ребре

Я живу в суете бесполезной,
На припеке считая ворон.
Бес телесный – поганец небесный —
Беспокоит больное ребро.

Я седой, одинокий, как прежде.
И впадаю порой в забытие.
Если Бог подарил мне надежду,
Кто же тот, отобравший ее?

Нет хозяйки заботливой рядом.
В небе ангелы – мать и отец.
Где ж тот мальчик с загадочным взглядом:
Шар в руке, и во рту леденец?

Простирается полночь над бездной.
Я такой, что хочу, не встречал.
Бес телесный – поганец небесный —
Не дает отдыхать по ночам.

Разбитые сосуды

Почиваю на лаврах свободы в тоске.
Не по нраву мне быть одиноким.
И любовь, что пульсирует так на виске,
Я сорву поцелуем глубоким.

Не испробовать вин, не налить молока.
Течь дает наше соединенье.
Двум разбитым сосудам судьба нелегка —
Обеспечивать прикосновение.

Начинаем с нуля, всем препонам назло.
Я сожму твою теплую руку.
Мы расплавим края и очистим стекло.
Очень тесно прижмемся друг к другу.

Что сработать избу, что идти под венец —
Не мешают преграды умелым.
А не сможем достичь единенья сердец —
С нас довольно касания телом.

Элегия

Когда нашел тебя,
Я потерял себя.
А то б с другой, скорбя,
Сошелся, не любя.

Берёг и ревновал.
Выслеживал, как зверь.
В накладе не бывал,
Ведя подсчет потерь.

Не думал про вину,
Что за тебя одну
Отдал свою казну,
Свободу и страну.

Стоял к плечу – плечо.
Прощал, не помня зла.
И знал наперечет
Нецарские дела.

Пытались мы вдвоем
Любить, как в первый раз.
Стояли на своем,
Но Бог решал за нас.

Коварная, как яд,
Непадкая на слух,
Пята небытия
Вытаптывала дух.

Подставив спину, тих,
Под гнет «земных даров»,
Живу я за двоих
Не в лучшем из миров.

Так, замыслы губя,
Страдая и любя,
Я здесь нашел себя,
Но потерял тебя.

Ностальгия

Нам не бывать отныне вместе.
Я на Земле, ты ж – в поднебесье.
И ощущаю в час возмездья,
Что я одной тобой любим.
Лишь сожаление, не жалость,
В больной душе моей осталось,
Что навсегда перемешалось
Мое дыхание с твоим.

Цикуту пью без меры строгой.
Посуду бью, да все – без проку.
Не тем стою я боком к Богу,
Живя под крышей голубой.
Душа ютится в тесном теле.
Тепла бывшего нет в постели.
И скакуны несут без цели,
Земли не чуя под собой.

Как к купине неопалимой,
Нас тянет к Иерусалиму.
Но пусто в сердце без любимой
В толпе у Западной стены.
Лишь отпускает ностальгия,
Когда ослабнет власть стихии.
И снятся звезды голубые,
Вторгаясь в розовые сны.

«Отошло, отодвинулось и отболело...»

*И скребется в открытую душу
одичалая кошка тоски...
Хаим Нахман Бялик*

Отошло, отодвинулось и отболело.
Притупилась тоска, и пожухла трава.
Аритмия прошла, голова поседела,
А душа по инерции прошлым жива.

Остановки все чаще, прогулки – короче.
И на море, как прежде, сияют огни.
Только стали привычно-бессонные ночи
Так похожи на вялотекущие дни.

Научившись прощать, реагировать проще
На ошибки, решишь в установленный час —
Жить сегодняшним днем,
Памятуя о прошлом,
Чтобы веру оставить себе про запас.

Только все, что за лето в груди наikipело,
То ли боль поражения, то ли напасть,
Отлегают от сердца, и яблоком спелым
В августовские травы готово упасть.

Утёс

Сегодня не к добру меняется погода.
И чувство остроты впадает в забытье.
Я праздную свою беспечную свободу
И проклиная день, открывший мне её.

Сегодня облака и звезды между нами.
Я память положил в дорожную суму.
Владели мы вдвоём лесами и морями.
Теперь мне это все досталось одному.

Я знаю – неспроста о горе ты спросила.
Не зря бродяга-ветер голос твой принёс.
И я тебя любил, и ты меня любила,
Но встречная волна разбилась об утёс.

Кефаль

У моря многоликая фиеста.
Не мешкай, проявляй былую прыть.
В душе сквозняк, пустует чье-то место,
И нет желанья форточку закрыть.

Прицельный взгляд распахивает дали.
Сегодня я имею выходной.
Здесь тянут сети, полные кефали,
А мне вполне достаточно одной.

Встречаю взгляды с вызовом и перцем.
С улыбками, подобными лучу.
И если кто затронет струны сердца,
Пойду на харакири, но впущу.

Волнует волн игривая походка.
И снова неверна моя рука.
Но дело в том, что ушлые молодки
На юного не смотрят старика.

Сирень

Мы свежести чувства хотели
В преддверии светлого дня.
Инсульт поразил твое темя.
Тоска обуяла меня.

Босая душа, как по кругу,
Идет по горячей золе.
Мы преданы были друг другу,
Но предано тело земле.

А плоть по прошедшему тужит.
Твой образ из глаз не исчез.
И только парящие души
Не могут спуститься с небес.

И лишь остановит мгновенье
И вызовет сдавленный крик
Метелочка свежей сирени,
Увядающая в пальцах твоих.

На волнах разлуки

По любимой тоскуя,
Я на пристань пришел.
Небо воду морскую
Зачерпнуло ковшом.

Только эту криницу
Не осушишь до дна.
Мне бы вдоволь напиться,
Да вода солона.

Мне б от горя укрыться
Покрывалом дорог.
Мне бы только отмыться
От щемящих тревог.

Но волна мою фею
Увела за собой,
Все мутнее белея
В глубине голубой.

Единство

Я слово «ЖЕНЩИНА» пишу,
Не утруждаясь понапрасну,
С заглавной буквы или «красной»
Строки, и ложью не грешу.

Тоннель копают с двух сторон.
Я не хочу и не умею
Лепить из глины Галатею.
Увы, я не Пигмалион.

Не томный взгляд, не свечкой грудь —
Разогревают нас умело.
В избраннице душа и тело
Неразделимы; в этом — суть.

Но коль она увидит путь,
Проникнет в плоть души и сердца,
Клянусь — не дам ей оглядеться,
В моих объятиях уснуть.

На побережье

Над сонным морем занавес рассвета
Теньями отразил морскую гладь.
Настало время камни собирать
Мне одному на побережье этом.

Любой педант, что презирал сонеты,
Воспримет дар любви, как благодать.
И мне пора ей должное воздать,
Не уронив достоинства при этом.

Порыву ветра брат единокровный,
Любовь не принимал я, безусловно.
Но полагался на свое чутье.

И вот теперь, утратив обонянье,
Пустил в распыл бывшее достоянье.
Не знаю – где мое, где – не мое.

«Дано живущим не случайно...»

Дано живущим не случайно
Поверить искренне, на слух,
Что плод греха и парус тайны
Мужской поддерживают дух.

Об этом ведали предтечи.
Ведь притяженья крепче нет,
Чем инь и ян, чем чет и нечет,
Тепло и холод, тень и свет.

И дело слабой половины,
Порой к ущербу им самим,
Не убивать в тебе мужчину,
А помогать остаться им.

Не для себя горят светила.
Благоухать цветам не раз.
В руках у женщин наша сила,
А женский шарм в руках у нас.

Бесхозная собака

Ни будки, ни жилья в норе...
Так, почитали мы за благо
Кормить в общественном дворе
Одну бродячую собаку.

Та обреталась под кустом.
Сгибала спинку по лекалу.
И нас виляющим хвостом,
Когда с работы шли, встречала.

Кто даст еще ей есть и пить,
И позабавится игрою?
Я стал с работы приходить
Один, и позднею порою.

И подсмотрел в одну из дат
(Не быть хозяйке больше с нами) —
Скулила, глядя на закат
Большими, влажными глазами.

Поминальные свечи

Сплошные весенние ливни
До первых слезящихся рос
Положат на мокрый суглинок
Искристые сполохи роз.

Над памятным время бессильно.
И небо, что слезы прольет,
Омоет на камне могильном
Нетленное имя ее.

А солнышко глянет с любовью —
От факела ярких лучей
Затеплятся у изголовья
Лучи поминальных свечей.

Душа ее за облаками
Усмотрит в святой простоте,
Как сердца слежавшийся камень
Лежит на могильной плите.

Призраки памяти

Час пришел – и вкусил я цикуту разлук.
Распрощался я с верной любовью.
Прерываются сны наши стонами мук.
Поцелуи окрашены кровью.

Не впадаю в истерику и забытье.
И все так же безмерно тоскую.
Руки чувствуют нежное тело твоё,
Даже если ласкаю другую.

Миражи нелюбви посещают мой дом.
И от этого некуда деться.
Я, признаться, живу на дыханье втором,
Что пришло от тебя по наследству.

Как во сне, ощущаю себя наяву.
Так кому из нас более трудно?
Я на брэнной земле беспросветно живу.
Ты ж в бессмертии спишь беспробудно.

Молчанка

Нам суждено расстаться в мире этом.
По одному уходим в мир иной.
По вечерам я говорю с портретом
Лишь потому, что нет тебя со мной.

Мы, мужики, дичаем вне стен дома.
Тепло души берем у наших жен.
Быть может, я бы прожил по-иному,
Но был такого опыта лишен.

Самим себя оценивать непросто.
Недуг разлук, увы, неизлечим.
Не торопись ответить на вопросы.
А в знак согласия просто помолчи.

Ведь негатив общения засвечен.
И наша память стынет на юру.
Я на твое молчанье не отвечу,
Лишь потому, что слов не подберу.

Долгая ночь

В репьях, как собака, приходит тоска.
Свеча на ладони ее языка.
На небе по звездам гадает Луна.
И нету у мглы ни покрышки, ни дна.

А полночь на улице светлой, как днем,
Не может дорогу найти с фонарем.
Затянут мелодию, скуку крадут
Часов переборы на четках минут.

Звенит амбуланса* фагот и гобой.
Бессонница не объявляет отбой.
И нечем, и некому сердцу помочь.
Уж больно долга тель-авивская ночь.

**Амбуланс (мед.) – машина скорой помощи.*

Экзамен экстерном

Вот и я свою рыбку в стоячей воде отудил.
А на зимний улов арсенал моих мук непригоден.
Выхожу на ристалище жизни один на один —
С обнаженной душой, с прозябаньем в осенней природе.

Я другим оставляю объятья при ясной луне,
Что, как сахар в воде, без остатка растают в экстазе.
Слишком мелкой задачей теперь представляется мне
Вне реальности жизни исследовать область фантазий.

Нас учили молчать и мириться с присутствием зла.
Так и жили, утратив способность бороться со скверной.
Ты экзамен на жизнь в свое время достойно сдала,
А ее завершить у судьбы умудрилась экстерном.

Попросить бы свидания в тех отдаленных местах.
Только твой пьедестал – биллионы небесных ступеней.
Я доподлинно знаю – тебе уже больше не встать,
Чтобы я покаянно упал пред тобой на колени.

Багульник

Пока пребываю в печали.
Пустынно в душе и темно.
Луна проливными лучами
Непрошенно лезет в окно.

Комету летящую скроет
Туман в недоступных местах.
Зачеркнуто все голубое
Цветным опереньем хвоста.

Немало скитаясь по свету,
В предчувствии близкой беды,
Не следует следовать следу
До срока погасшей звезды.

И я не последний из многих
Утратил покой и семью.
Взамен двухколейной дороги —
Багульник в одну колею.

Сентябрины

Я немало робел под прямым изучающим взглядом.
И глаза отводил – к соответствию был не готов.
Это время глядело единственной женщиной рядом
На холодные краски, лишённые полутонов.

Изощрялись по части греха, соблюдая невинность
В отношениях двух одиночек, терявших покой.
Оставляя простор произволу надежд на взаимность,
Расточал дифирамбы сентябрь, осыпаясь листвою.

В гнездах нашего прошлого иволги и коростели
Выводили рулады, минуя скрещения слов.
В столкновении силы характеров мы просвистели
Пыл надежд на взаимность, где страсти идут под уклон.

И душа, отвечая на зов неразгаданных нетей,
Отлетала в глубины Вселенной, скорбей не тая.
И усилием суженных глаз безмятежное небо
Развело нас по разные стороны от бытия.

Гербарий

Перекистью водорода
Обесцвечена природа.
Ты присутствуешь при родах
Золотых осенних дней.
Рыба в море не иссякла.
Ноги тоже не ослабли.
И над головой не каплет
В тесной комнате моей.

Солнце жарит с ветром в паре.
За стеклом окна – солярий.
Ну а я храню гербарий
Светлой памяти моей.
Говорят – зимой и летом
Все одним сияет светом.
Но весна души не спета.
Не спешу расстаться с ней.

На распутье

Вышел из депрессии глубокой,
И стою, как на распутье, я.
Колесо реальности жестоко,
И галактик призрачны края.

Сколько мне хватает глазомера,
Вижу в бесконечности ночей,
Как сестра любви моей, Венера,
Льет потоки ласковых лучей.

Шквал ветров недолго будет длиться.
Голову пред ними не склоню.
Не согнется ствол у эвкалипта,
Даже засыхая на корню.

Колесо судьбы тебя не тронет,
Если при свечении вдали
Подставлять под звездный дождь ладони,
Оторвав подошвы от земли.

На мосту

Я стою на мосту,
омываемом пеной морскою.
То ли в мыслях грешу,
то ли грежу ва-банк наяву.
Словно к пристани дальней,
без усталы, сна и покоя,
Без руля и ветрил
в неизвестные дали плыву.

Я глубины и мели,
как посуху, пересекаю.
Закипает в душе беспокойной
спортивная злость.
Но в артериях моря
бесчинствует кровь голубая.
Не спешит заприметить
локаторов белая кость.

Я стою на мосту,
защищенном оградой бетонной.
И волнам не достать,
и нельзя опуститься на дно.
Облака проплывают
бесцветные так монотонно,
Словно с чайками мыслей нелегких
они заодно.

Я гребу бессистемно,
беспамятно, напропалую.
На волнах кочевых
распоясан, распят, распростерт.
Жду корабль любви,
что в бурунах надежды дрейфует,
Но возьмет меня, верую,
рано иль поздно, на борт.

Странная пара

Ты в списке не третьего сорта,
Коль духом недуг превзошел.
Не знают они дискомфорта,
Садясь за обеденный стол.

И в мире, что так полигамен,
И горем, и ростом – равны.
Коснется сидящей губами,
Прямой не сгибая спины.

Такая престранная пара.
Видать, изощрили чутье.
Плывет она по тротуару.
Он держит под ручку ее.

В период кастрации духа
Их опыт сердца веселит.
Не могут они друг без друга.
Он – карлик, она – инвалид.

Рана

Каплет влага из-под крана.
Бьет по темечку юдоль.
Ночь – развязная путана,
Оставляет в сердце боль.

Ни зимой, ни жарким летом
Не желаешь мне помочь.
Задыхаюсь я без света,
Если ты уходишь в ночь.

Я бы, вняв советам мудрым,
Из крутого стал – ручной,
Если б солнцем каждым утром
Восходила надо мной.

Проползет озноб по коже,
Как представится уму —
Ты приляжешь, и приложишь
Сердце – к сердцу моему.

Виноградные лозы

Фемида зрит судеб весы,
Где мы идем по краю.
Пред лебедем твоей красы,
Смущенный, замираю.

Встречаясь, тешусь всякий раз
Надеждой на везенье.
Тону в озерах светлых глаз,
И не дождусь спасенья.

И вижу я цветные сны,
Где образ твой – отрада.
И шеи переплетены,
Как лозы винограда.

На озере Сахне

Алкаем тесных уз, хотя еще свободны
В пределах берегов, сомкнувшихся в лассо.
На озере Сахне, спокойном и холодном,
Нам плещет водопад на плечи и лицо.

Рукой сотворено, а кажется, навеки.
Стихии не поднять высокую волну.
Разбит зеркальный фон на мелкие отсеки.
Мы ж выбрали с тобой по сердцу глубину.

Заболтан внешний мир, а будущий – невнятен.
Спасательный жилет – природное чутье.
Тела покрыл загар, но много белых пятен
Скрывает до поры нательное белье.

Кто знает, сколько быть с тобою в связке тесной?
На озере Сахне привычны всплески чувств.
И сладкую любовь среди стремнины пресной,
Порыва не сдержав, мы пробуем на вкус.

Слово

Воистину, дорого нам,
Идиллию жизни рисуя,
Судьбою платить по счетам
За слово, что сказано всуе.

Легко ли, имея права
Вожделения мысли по лоту*,
Из мысли чеканить слова,
Политые кровью и потом?

Отыграна чувственно роль.
Задраены крепко кингстоны.**
А памяти образ живой
Придавлен обложкой «бетонной».

Мы снова без темы с тобой.
Но слово душе потакает,
Покуда в нем нашей судьбой
Оплачена буква любая.

**Лот – прибор для определения глубины моря*

***Кингстон – клапан, закрывающий отверстие
в подводной части судна.*

На голодном пайке

Много, мысля о хорошем,
Значишь ты в моей судьбе.
Сыт по горло горьким прошлым.
Голодаю по тебе.

Не швыряй под ноги просо.
Не корми меня с руки.
Мы, орлы, не вышли ростом,
Но ведь крылья – широки.

Я мечусь в слепом угаре.
Знать, меня с пути свело.
Как оправлюсь от удара, —
Подарю тебе крыло.

Обретает тот, кто ищет.
Вот и я всегда искал
Недоступное жилище
Посреди отвесных скал.

Нюх остер и глаз наметан.
Беззащитен хлипкий дом.
Быть орлам всегда в полете
Над страною и гнездом.

У ваших ног

Я обожаю Вас
И обижаю Вас.
Я обнажаю Вас,
Не унижая Вас.
Я ублажаю Вас,
Не приближая Вас.
И уважая Вас,
Преумножаю Вас.
Я поражаю Вас,
Опережая Вас.
И потакая Вам,
Не постигаю Вас.
Но я, алкая Вас,
Не увлекаю Вас.
И я блуждаю в Вас,
Не облекая Вас.
Не упрекаю Вас.
Не обрекаю Вас.
А проникаю в Вас
И умыкаю Вас.

Клубок

Мы глупо, грешно и нелепо
Прошли предначертанный круг.
Разобраны скобы и скрепы.
Распутаны линии рук.

В объятиях с пылу и с жару
Прямых избегали дорог.
В узлах была нить нашей пары,
Когда распустился клубок.

Скорбеть ли в период заката
О греющем сердце тепле?
Утрачены силы, а надо
Продолжить свой путь на земле.

Так скаречно, в спешном порядке,
Нам дни отпускают века,
Пока на испытанной прялке
Тачается нить для клубка.

Старик

Печаль его, светла и глубока,
Поддерживает гаснущие силы.
На кладбище я вижу старика,
Сидящего часами у могилы.

Он вечность примеряет у дверей.
Ключ от неё оставлен у подъезда.
Он рядом с половинкою своей
Бронирует пустующее место.

Но где-то в измерении ином —
Моя невосполнимая потеря.
Могу я поменять страну и дом,
А вот во встречу наших душ не верю.

Расстанешься, и сам себя казнишь.
Отравишься от медленного яда.
Сменил бы я Израиль на Париж...
Поскольку здесь она — я буду рядом.

Нищета души

После стольких разлук невредим,
С болью в сердце, дающего сбой,
Я остался один на один
С холостяцкою горькой судьбою.

На просвет звезды – наперечет.
Небо, словно измазано сажей.
И слегка подпирает плечо
Парапет у приморского пляжа.

Окунусь с головой в окоем,
Чтобы мысли отчетливей стали.
Только стал я тяжел на подъем —
Воспарять в неоглядные дали.

С нищетою души напоказ
Обращаться к Всевышнему нечем
Кроме щиплющей влаги у глаз,
Сопряженной с отсутствием речи.

Жизнь бокала

Куда уходит жизнь бокала,
Когда кончается вино?
Когда довольствоваться малым
Тебе по жизни не дано.

Не возвратиться к жизни прежней.
В груди витийствует вина.
Мы продлеваем жизнь надежды,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.